

Urszula Trojanowska

Uniwersytet Jagielloński w Krakowie

ВЕЧНЫЙ ПОВТОР? КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЕЛЕНА ДОЛГОПЯТ

An Eternal Repetition? The Category of Time in the Works of Elena Dolgopyat

ABSTRACT: In Dolgopyat's works, the world appears as an inscrutable mystery in which the wonderful and supernatural is closely connected with the realistic and everyday. Probably the most important part of this universe is chronotope. In this article, I focus on the category of time in selected stories in which it comes to the foreground. „The heroes of the analyzed stories travel in time, stop time or look for an answer to the question of the originality of their experiences. After all, if one can go back in time, maybe the whole of life is a mere repetition of what has already happened?”. Transitions between various time levels open up the way to other worlds and variants of one's own destiny. The magical properties of time show that the reality of the heroes is not limited to matter and does not fit into the rationalistic picture of the world. This confirms the affiliation of the works to magical realism.

KEYWORDS: magical realism, Elena Dolgopyat, contemporary Russian literature, time, space

Магический реализм в общественном восприятии ассоциируется прежде всего с латиноамериканской литературой 60-х годов, но в настоящее время большая часть литературоведов видит его как универсальное явление¹. Исследователи и литературные критики замечают реализацию данной тенденции в произведениях различных писателей всего мира².

Россия занимает на карте магического реализма в мировой литературе XX и XXI веков особое место, что связано не только с интересными соединениями реализма с фантастикой в русской литературе XIX века (хотя бы у Гоголя и Достоевского)³, но и с ее социалистическим прошлым. Мрочковска-Бранд

¹ См.: U. Trojanowska, „Sytuacja pociągu” jako metafora twórczości Jeleny Dołgopiat. Rosyjski wariant realizmu magicznego, „Slavia Orientalis” 2019, nr 1, s. 73-88.

² См., например: K. Mroczkowska-Brand, *Przecucia innego porządku. Mapa realizmu magicznego w literaturze światowej XX i XXI wieku*, Kraków 2009.

³ См.: K. Mroczkowska-Brand, *Przecucia...*, s. 265.

пишет об этом в контексте таких стран Центральной и Восточной Европы, как Литва, Украина, Чехия, Словакия, Венгрия и Румыния. Можно однако предполагать, что и в случае русской литературы этот фактор играет немаловажную роль, что также в России

[...] żywe [są – У. Т.] jeszcze często źródła myślenia magicznego, mocniejsza ciągle jeszcze niż na Zachodzie wiara religijna, stare pokłady zabobonów i wierzeń, „zamrożone” przez długie trwanie systemu feudalnego, a potem specyficzną zamrażarkę okresu socjalizmu – komunizmu, na które nałożyły się fenomeny gospodarki rynkowej i zbyt gwałtownych dla wielu i niekoniecznie pozytywnych zmian społecznych i obyczajowych – stworzyły kuriozalną, często groteskową lub absurdalną miksturę, specyficzną glebę mogącą służyć jako znakomity substrat do twórczości literackiej w stylu realizmu magicznego lub jemu podobnych odmian literatury podszytej fantastyką⁴.

Мрочковска-Бранд, хотя обращает внимание на значение России в развитии магического реализма⁵, сама не анализирует русских литературных произведений в этом ключе. Мне пока незнакомы также другие польские работы, затрагивающие данную тему. Статьи про отдельные произведения избранных русских писателей в перспективе магического реализма опубликовали, например, Анна Собеска⁶ и Татьяна Степновска⁷. В последние годы в Польше были защищены две кандидатские диссертации, в которых как реалистически магическое рассматривалось творчество Нины Садур и Дмитрия Липскерова⁸.

В российском литературоведении о магическом реализме писали уже, например: Александр Гугнин⁹, Константин Кислицын¹⁰, Ольга Овчаренко¹¹ и другие,

⁴ Там же.

⁵ Она называет, например, Михаила Булгакова одним из тех писателей в Европе, кто рядом с другими (Изаак Зингер, Бруно Шульц), очень сильно обогатил философию магического реализма, способ смотреть на действительность, расширенную о другие измерения, а также стилистические средства, функционирующие в данном течении. См.: Там же, с. 263-264.

⁶ См.: A. Sobieska, *Realizm magiczny rosyjskich symbolistów (na materiale „Srebrnego gołębia” Andrieja Bielego)*, [w:] *Realizm magiczny. Teoria i realizacje artystyczne*, pod red. J. Biedermann, G. Gazdy, I. Hübner, Łódź 2007, s. 263-271.

⁷ См.: T. Stepnowska, *Rosyjski realizm magiczny (na przykładzie powieści „Mistrz i Malgorzata” Michaila Bulhakowa)*, [w:] *Realizm magiczny. Teoria...*, с. 273-287.

⁸ Диссертация Марты Недзели-Яник под заглавием *Realizm magiczny, absurd i drammat – próba interpretacji sztuk Niny Sadur* была защищена в Слензском университете в городе Катовице в 2016 г., а Ирины Попадейкины, *Романы Дмитрия Липскерова в контексте магического реализма: метаморфозы как способ осмысления мира*, в Университете во Вроцлаве в 2017 г.

⁹ А. Гугнин, *Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века: феномен и некоторые пути его осмысления*, Москва 1998.

¹⁰ К. Кислицын, *Магический реализм*, «Знание. Понимание. Умение» 2011, № 1, с. 274-277.

¹¹ О. Овчаренко, *Магический реализм (продолжение)*, [в:] *Теория литературы. Литературный процесс*, ред. Ю. Боров, Н. Гей, А. Михайлов, С. Небольсин, И. Подгаецкая, Л. Сазонова, Москва 2001, с. 425-442.

которые анализировали в данной перспективе произведения Леонида Леонова, Сергея Клычкова, Андрея Платонова, Михаила Булгакова (некоторые ученые причисляют его роман *Мастер и Маргарита* к данному течению, другие говорят о нем в контексте фантастического или мифологического реализма), Юрия Буйды. Стоит отметить также факт выделения Виктором Топоровым в 2010 году «уральского магического реализма», к которому он причисляет таких писателей, как Ольга Славникова, Алексей Иванов, Анна Матвеева, Анна Матюхина и др.¹²

В связи с отсутствием польских научных трудов, посвященных магическому реализму в русской литературе, важным для польской русистики может быть исследование данной темы. Целью моих работ, публикуемых регулярно, является именно попытка заполнить (хотя бы в небольшом объеме) этот пробел на карте магического реализма в современной литературе.

В центре моих научных интересов лежит творчество современной писательницы Елены Долгопят, о которой пока в России пишется немного, а в Польше вообще¹³. Большая часть ее произведений является, на мой взгляд, интересным вариантом магического реализма. «Визитной карточкой» рассказов писательницы, которые Леонид Юзефович характеризует как «неповторимые и могучие, которые могут принадлежать только ей»¹⁴, является соединение повседневного и сверхъестественного. По мнению критика:

Каждый [рассказ – У. Т.] болезненно бережит душу чувством непрочности, а то и призрачности человеческого существования в отнюдь не иллюзорном, но самом что ни на есть реальном, очень узнаваемом мире. Даже те, где присутствует элемент фантазмагии, воспринимаются не как фантастика, а как возведенная в степень обыденность¹⁵.

Эта специфика прозы Долгопят вызывает моментальные ассоциации с магическим реализмом, главной чертой которого также является особенный взгляд на мир, не ограничивающий его сути лишь к материальному и физическому измерениям.

Анализ литературоведческих категорий, составляющих художественный мир Долгопят, позволяет сделать выводы относительно близости ее произведений к магическому реализму и особенностей в его реализации, а также определить

¹² В. Топоров, *Любовь во время холеры*, [в:] http://www.chaskor.ru/article/lyubov_vo_vremya_holery_16479 (27.02.2019).

¹³ Творчеству Долгопят посвятила свою магистерскую работу Оливия Богуш из университета в Люблине. Согласно информации, найденной в Интернете, она намеревается продолжать исследование творчества писательницы в рамках кандидатской диссертации. Мне не удалось, однако, найти ее публикаций.

¹⁴ Л. Юзефович, *Цветная изнанка жизни*, [в:] Е. Долгопят, *Чужая жизнь*, Москва 2019, с. 5.

¹⁵ Там же.

их местонахождение по отношению к «твердому ядру» данной тенденции, которое характеризует в своей книге Мрочковска-Бранд¹⁶.

В моей научной работе я пользуюсь прежде всего синкретическим методом, позволяющим проводить широкий филологический анализ и интерпретацию текстов. Не иначе дело предстает и в этой статье, где анализ категории времени ведется с учетом литературоведческих трудов польских и российских исследователей магического реализма (Мрочковска-Бранд, Томаш Пиндель, Гугнин, Топоров) и современной русской литературы, а также литературной критики.

Целью настоящей статьи является попытка анализа категории времени в избранных рассказах, в которых она выдвигается на первый план (*Свойство времени, Голоса, Квартира, Меланхолия, Кровь, Все жизни, День рождения*) и ее сопоставление с данной категорией в теоретических работах литературоведов на тему магического реализма. Предполагается, что время в анализируемых произведениях соответствует специфике этой категории в магическом реализме, так как отражает реалистически-магическое мировоззрение и расширяет рамы микрокосмоса героев. Магические свойства времени позволяют, например, путешествовать между разными измерениями действительности, а также порождают вопрос о подлинности происходящего.

Александр Гугнин обращает внимание на факт, что магический реализм придерживается в описании деталей и отдельных эпизодов реалистического и даже натуралистического арсенала приемов, но одновременно использует целый ряд специфических приемов, позволяющих увидеть реалистические детали и эпизоды в совершенно ином свете. Важно то, что этот новый контекст, в который помещаются элементы реализма, «характеризуется некоторыми общими чертами, которые по отдельности возникали в разных литературах задолго до магического реализма, но лишь в совокупности определили его специфический облик»¹⁷. На первом месте ученый называет именно **«особое использование категории времени – будь то «подвешенность» во времени или свободное перемещение по времени во всех направлениях или сосуществование всех трех времен одновременно»**¹⁸. Узкие рамки настоящей статьи не позволяют развить характеристики остальных черт, ограничусь лишь их перечислением: – отказ от психологического представления героя и опора на вечные, вневременные мифические основы и измерения бытия; – насыщение повествования элементами, постоянно взрывающими изнутри мнимую очевидность и обнажающими все более глубокие и непознанные слои реальности; – «магическое пространство» – строго очерченное и замкнутое (оно может быть

¹⁶ К. Mroczkowska-Brand, *Przecucia...*, s. 253-254.

¹⁷ А. Гугнин, *Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века: феномен и некоторые пути его осмысления*, Москва 1998, с. 42.

¹⁸ Там же. (Здесь и в очередных цитатах фразы выделены жирным шрифтом автором статьи – У. Т).

и очень узким и достаточно обширным), где действуют свои непреложные законы¹⁹.

Мрочковска-Бранд замечает, что в текстах магического реализма специфические, нередко экспериментальные, нетипические структуры времени и пространства имеют ключевое значение. Исследовательница пишет о: – отрицании линейного времени; – создании круга мифического времени и разрушении традиционной хронологии как единственной формы описания временных перемен; – создании хронотопа, в котором возможным становится присутствие тех, кого уже нет – сосуществование живых и умерших в одном времени; – представлении возможности существования загадочных пока хронотопов, принимающих формы петель, ниш, спиралей времени, что ведет к созданию обстоятельств для мимесис действительности, расширенной о другие измерения времени и пространства²⁰.

В предложенных для анализа произведениях Долгопят, вопрос времени выдвигается на первый план, становясь как раз тем элементом, который в реалистическое, переполненное повседневными деталями повествование, вводит «каплю магии»²¹. Свою реализацию находят в них все перечисленные выше способы организации данной категории.

Для начала обратим внимание на одновременное с о с у щ е с т в о в а н и е в прозе Долгопят р а з л и ч н ы х в р е м е н. Примером может служить рассказ *Квартира*, в котором главная героиня, заходя в снимаемое жилье, попадает в семидесятые годы. Та же квартира выглядит совершенно по-другому и имеет другого жильца. Лишь вид из окна и звуки из-за стен остаются современными, хотя Гарик, принадлежащий 70-ым гг., стоя рядом с героиней, видит и слышит свой мир:

Впрочем, тишина была только для Гарика, ночная тишина 1970 года, Вера слышала то вой автомобильной сигнализации, то тяжелые басы, кажется от соседней снизу. Свой 2017. «Я вам покажу мой вид из окна», – сказала Вера, [...] включила смартфон, открыла фотографии, развернула во весь экран последний снимок. Окно, а за ним огни дальних башен [...] За окном Гарика луна освещала дальние поля²².

Таким образом, квартира соединяет разные времена и становится, как будто, моделью мира в магическом реализме – одним целым, помещающим разные хронотопы и пласты реальности. В рассказе реализуется также возможность с в о б о д н о г о п е р е м е щ е н и я в о в р е м е н и, на которую, как характерную для магического реализма, указывает Гугнин. Пространство квартиры можно ведь считать некой капсулой прошлого, благодаря которой Вера

¹⁹ Там же.

²⁰ К. Mroczkowska-Brand, *Przecucia...*, s. 251.

²¹ Там же, с. 56.

²² Е. Долгопят, *Квартира*, [в:] *Её же, Чужая жизнь*, Москва 2019, с. 201, 202.

находит любовь и смысл своей жизни. Интересно, что во времени путешествует только она, если в квартиру входят другие – ничего не происходит и пространство сохраняет черты 2017 года – евроремонт, натяжные потолки, итальянские светильники. Можно предполагать, что квартира открывается полностью лишь перед избранными, которые допускаются к истинному измерению действительности. Для всех других – тайна мира остается нераскрытой.

Путешествие во времени совершают также героини повести *Кровь*, хотя в их случае дело еще серьезнее – благодаря гениальному открытию Дмитрия, людей можно воскрешать. Итак, умершие прибывают в мир, который давно покинули. Как в классических произведениях магического реализма, в тексте речь идет о «живых тут и живых там», а не «живых и мертвых»²³, так как смерть теряет свой окончательный характер. История Пети показывает, к каким проблемам это может привести: когда герой возвращается с фронта, узнает, что родню известили о его гибели, и брат Дмитрий воскресил его. Теперь с женой Пети живет его копия. Повесть затрагивает вопрос идентичности человека, для которой особое значение, помимо самой возможности воскрешения, имеет также выбор времени восстановления человека. Дмитрий объясняет:

Это важно – выбрать время. Кого мы, собственно, воскрешаем? Того Петра, который в десять лет бежал из дому, чтобы плыть на пароходе по Волге до самой Астрахани? Того, кто познакомился с Машей на пожаре, а после не мог уснуть и не давал спать старшему брату [...] Или того, кого провожали мы на войну в четырнадцатом году, молодого, сильного мужчину, не умевшего даже повышать голос [...] Или того, кто сидит перед тобой сейчас, того, кто убил ребенка за буханку кислого хлеба?²⁴.

Здесь возникает также очень важная для Долгопят тема, которую она развивает во многих текстах разных лет: различные варианты жизни человека. Что решает о том, какой из них будет реализовываться? Можно ли поменять свою судьбу? В повести *Кровь* кроме Пети, (который говорит: «Я бы хотел посмотреть на того себя, на прежнего. [...] Посидим втроем: я, он, Маша. Пусть поглядит на меня, пусть узнает, на что способен, во что может превратить его жизнь. Он курит? Нет? Не пристрастился. Как трогательно»²⁵), воскрешается юный Ленин, который попадает в нашу эпоху. Приютивший его герой раздумывает над тем, знает ли он, кем стал, когда вырос «там, в своем времени»²⁶, и возможно ли, что под его присмотром мальчишка проживет «спокойную, мирную жизнь. Совсем другую»²⁷.

²³ Там же, с. 65.

²⁴ Е. Долгопят, *Кровь*, [в:] Её же, *Родина*, Москва 2016, с. 57.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, с. 113.

²⁷ Там же, с. 114.

Этот вопрос открывает проблему п о в т о р е н и й, которая реализуется в нескольких произведениях, принимая, однако, различные формы и интерпретации. Полное развитие она находит в рассказе *Свойство времени*, где выразительно обыгрывается идея Фридриха Ницше о вечном возвращении. Волшебные часы, найденные героем, позволяют повернуть время назад. Как объясняет их хозяин: «Мы буквально вернемся назад на пять минут. А можем и на пять лет. Как прикажете»²⁸. Герой хочет воспользоваться этой возможностью, чтобы более удачно разыграть встречу с заинтересовавшей его девушкой. Хозяин часов уверяет, что поворот времени ничего не меняет, так как Митя не будет помнить, что случилось раньше: «Лучше не выйдет. И хуже не выйдет. Выйдет ровно то же самое»²⁹. Его слова удивительным образом совпадают с утверждением Заратустры, который учит, что всегда возвращается та же жизнь – не новая, не лучшая, не подобная: «[...] powracać będą wiecznie do zawsze jednakiego i zawsze tego samego życia, zarówno w rzeczach wielkich jak i małych...»³⁰.

В данной трактовке, человек не в состоянии поменять судьбу. Митю, однако, более волнует другой вопрос – если он не будет ничего помнить, то может «[...] я уже не в первый раз о повторе прошу, может уже в сто пятый?»³¹. Если это так, то время постоянно движется по кругу и подлинность существования является иллюзией.

Представление времени как круга лучшим образом выражает мысль о вечном повторе и в этой функции возвращается в произведениях Долгопят. Адам Янк обращает внимание на то, что в к о н ц е п ц и и в р е м е н и – к р у г а каждая точка на его периметре может исполнять одновременно роль начала и конца, но эти точки никуда не ведут, в их воображаемом движении нет цели³². Человеческое существование лишается тогда не только подлинности, но и смысла. *Свойство времени* точно вписывается в эту мысль, что подтверждает также рассказ хозяина часов об убийце, вечно повторявшем свое преступление. Долгопят уходит, однако, от классического варианта вечного повтора одной деталью. Герой рассказывает о несчастном убийце: «Долго ходил по кругу, пока завод не кончился у часов»³³. Повторения оказываются не бесконечны, но не известно от чего зависит их количество.

В рассказе *Голоса* возвращение в прошлое еще больше отличается от ницшеанской мысли, так как поворот времени, позволяет предотвратить несчастье.

²⁸ Е. Долгопят, *Свойство времени*, [в:] Её же, *Русское*, Москва 2018, с. 135.

²⁹ Там же, с. 155.

³⁰ Fr. Nietzsche, *Tako rzecze Zaratustra. Książka dla wszystkich i dla nikogo*, przeł. W. Berent, Gdynia, brak roku wydania, s. 261. Идею Ницше о вечном повторе толкует в своем эссе Адам Янк. См.: А. Янк, *Wieczny powrót: Friedrich Nietzsche, filozof woli mocy*, [w:] <http://radikalnyslson.org/2018/09/14/wieczny-powrot-friedrich-nietzsche-filozof-woli-mocy/> (17.07.2020).

³¹ Е. Долгопят, *Свойство времени...*, с. 156.

³² А. Янк, *Wieczny powrót...*

³³ Е. Долгопят, *Свойство времени...*, с. 156.

В этом произведении нет, однако, магического предмета, благодаря которому, оказаться в прошлом можно легко и быстро. Чтобы поправить содеянное Юрием, нужна помощь гипнотизера, а также осознанное решение героя. Оказавшись снова в электричке, Юрий выбирает несносные раньше голоса попутчиков, отказывается слушать голос гипнотизера и тем самым «обрывает ниточку»³⁴, теряя связь с настоящим. Он остается переживать заново прошлое, которого не помнит, но факт повтора отражается в дежавю его жены. Герой принимает на свои плечи «самое тяжелое бремя», которое, по Ницше, является испытанием, требующим от человека полной аффирмации жизни, доступной, кажется, лишь сверхчеловеку³⁵. В случае Юрия речь идет, однако, исключительно о глубоком сожалении о своей роковой ошибке. Долгопят допускает, кажется, возможность ее исправления за цену жертвы героя.

Судьбы не удается поменять герою рассказа *Все жизни*, хотя проживает их огромное количество. В этом произведении концепт вечного возвращения намного больше соответствует положениям Ницше. Случайно созданный вирус омолаживания, подчиненный государственному закону, позволяет людям жить бесконечно. В определенном возрасте они при помощи противовирусной инъекции достигают установленной государством «точки возврата» – двадцати лет. Прожитых жизней герои не помнят, но пытаются сохранить хотя бы их следы: ведут дневники или собирают фотографии в альбоме. Это помогает им найти себя в «незнакомом, чужом и чуждом мире»³⁶. Интересно, что Николай в каждом из своих существований – архитектор, а Вадим «всегда мечется из стороны в сторону»³⁷ и пробует разные профессии, зато с удивительным постоянством в каждой жизни влюбляется в одну и ту же женщину. В этом случае вечные повторы становятся своего рода наказанием, что вызывает ассоциацию с «наказанием памятью», которому подвергаются герои романа *Мастер и Маргарита* Михаила Булгакова. У Долгопят память о прошлых жизнях исчезает, но повторяющаяся измена возлюбленной доводит Вадима до отчаяния.

Старость и натуральная смерть в этом мире выполняют функцию смертной казни, но можно предполагать, что такой приговор приносит Вадиму свободу. Кажется, что он осознанно принимает решение о незаконном приобретении дозы вируса и противоядия, прекрасно зная о последствиях. То же самое можно сказать о Николае, который решается принять роль соучастника в преступлении. Он объясняет вновь двадцатилетнему другу:

³⁴ Е. Долгопят, *Голоса*, «Знамя» 2017, № 12, [в:] <http://magazines.russ.ru/authors/d/dolgopyat/> (22.03.2019).

³⁵ А. Jank, *Wieczny powrót...*

³⁶ Е. Долгопят, *Все жизни*, [в:] <http://babel-premia-odess.org.ua> (20.09.2019).

³⁷ Там же.

Вирус и противоядие ты добыл на черном рынке. А я, вместо того, чтобы сдать тебя полиции, стал пособником. Твое омоложение произошло незаконно [...]. Я виноват перед тобой. Я всегда виноват перед тобой³⁸.

Прекращение бесконечных возвращений позволяет наконец-то обрести покойствие и избавиться от постоянного страдания. В своем дневнике Вадим пишет: «Первая жизнь все-таки самая лучшая. **Ты не пришелец, ты у себя дома**, ты не ищешь в беспомощности калитку, которая давным-давно истлела»³⁹.

Страдания, вызванные вечными повторениями, однозначно свидетельствуют о том, что герои произведения не достигли статуса сверхчеловека⁴⁰. В их жизни повторяются лишь некоторые элементы, но все равно они не в силах переживать их заново и заново.

Весьма подобный облик идея вечного повтора принимает в рассказе *День рождения*. Как Николай и Вадим, его героиня, мечтающая о вечной молодости, вместе с памятью о прожитых жизнях теряет чувство, что мир является ее домом. Таблетка, подаренная ей в тридцатый день рождения таинственным стариком, исполняет ее желание. Но ценой за очередные возвращения является странная амнезия⁴¹:

Ее память как будто ничего не могла вобрать сверх двадцати девяти лет. Проходил год и все сбрасывалось – до двадцати девяти. [...] Не только память ничего не хотела помнить сверх двадцати девяти лет. Весь организм ничего не хотел помнить. Шрам от пореза исчезал. Выданный зуб оказывался на месте. [...] Волосы не седали. Морщины не появлялись. Сын рос, [...] весь мир старел, но Ира не менялась. Весь мир уносило от нее течением времени⁴².

Ира, хотя приобретает способность жить вечно – чувствует себя «несуществующим человеком»⁴³, отверженным Вселенной. Как в случае Вадима, к настоящей (первой) жизни героиню возвращает старость: «Наутро лицо ее постарело сразу на десять лет. И сыну, и мужу, и матери, и всем знакомым пришлось заново к ней привыкать. Память вернула Ире все прожитые годы»⁴⁴.

Очередным, привлекающим внимание приемом в прозе Долгопят является «п о д в е ш е н н о с т ь» в о в р е м е н и. Образ застывшего времени появляется в двух рассказах, выполняя, однако, различные семантические функции.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ А. Jank, *Wieczny powrót...*

⁴¹ О роли памяти в творчестве Долгопят я писала в: У. Трояновска, „Живое” и „мертвое” в небинарной модели мира: избранные рассказы Елены Долгопят, [в:] *Мортальность в литературе и культуре: сб. науч. тр.*, Москва 2015, с. 191-200.

⁴² Е. Долгопят, *День рождения*, [w:] *Её же, Чужая жизнь...*, с. 372.

⁴³ Там же, с. 373.

⁴⁴ Там же, с. 375.

В рассказе *Меланхолия* время полностью подчиняется герою. Текст, являющийся переключкой с фильмом Ларса фон Триера под таким же названием, показывает, как надвигающаяся катастрофа вызывает бунт Ивана, который ведет к замиранию всего мира. Герой «как в сказке»⁴⁵ остается единственным свободным человеком среди застывших вне времени. Он осознает, однако, что жизнь в пустом мире, в полном одиночестве, вряд ли можно считать полноценной и произносит фразу-заклинание: «Тошно одному, не хочу»⁴⁶. Мир оживает, а время опять приближает его к столкновению с чужой планетой. Судьбы не миновать.

В рассказе *Лёша* остановка времени дает герою возможность выйти за его пределы, благодаря чему он расширяет свое знание о мире и людях. Такая конструкция времени придает произведению психологическую и философскую глубину, на что обращает внимание, например, Анна Жучкова⁴⁷. В этом произведении мальчик, который тоже остается единственным свободным среди замерших людей, не имеет, однако, никакого влияния на ход времени – оно останавливается и приходит обратно в движение само по себе. Пребывание вне времени открывает перед героем тайну человеческого существования и значительно ускоряет его внутреннее развитие.

Специфические свойства категории времени в художественном мире Долгопят открывают перед героями новые измерения действительности, что ведет к характерному для магического реализма расширению образа реальности. Существование различных хронотопов (*Квартира*), а также общение с теми, кого уже нет в живых (*Кровь*) является ее интегральной частью. Модель мира, которую воплощает встреча Веры и Гарика (они находятся в одной квартире, но воспринимают через окно и стены каждый свою эпоху), отражает способ восприятия мира в магическом реализме. Он скрывает в себе тайну и соединяет в одно целое многие пласты существования.

Время не принимает в данных произведениях линейной формы, а герои свободно перемещаются в нем в различных направлениях (*Квартира*, *Кровь*, *Свойство времени*, *Голоса*, *Все жизни*, *День рождения*), что ведет к рефлексии над идентичностью человека, его неповторимостью, а также возможностью исправления своих ошибок (*Кровь*, *Свойство времени*, *Голоса*). Поворачивание времени назад вызывает раздумья на тему подлинности человеческого существования, которая может оказаться лишь иллюзией. Возможно, жизнь является вечными повторами, в которых герои не отдают себе отчета (*Свойство времени*, *Голоса*, *Все жизни*), что рождает вопрос об ответственности человека за свои деяния.

⁴⁵ Е. Долгопят, *Меланхолия*, [в:] *Её же, Русское*, Москва 2018, с. 309.

⁴⁶ Там же, с. 310.

⁴⁷ См.: *А был ли мальчик? Дискуссия о рассказе Елены Долгопят «Лёша»*, Лаборатория КС, Редактор: Ольга Девш, [в:] <http://litteratura.org/criticism/3886-laboratoriya-ks-a-byt-li-malchik.html> (24.07.2020).

Использование ницшеанской идеи вечного возвращения позволяет видеть в анализированных рассказах также образ мира после «смерти бога», в котором большее влияние на людей оказывают современные изобретения, чем трансценденция. Сверхчеловек, который силой своей воли сможет вывести мир из кризиса, однако, еще не родился. Герои прозы Долгопят, хотя и подвергаются тесту на аффирмацию жизни, производят впечатление потерянных и неуверенных. Бессмертие и власть над временем не приносят им счастья, которое оказывается невозможным без памяти и смысла жизни. Их отсутствие превращает человека в пришельца без корней и дома, блуждающего в чужом и непонятном ему мире.

В художественном мире произведений путешествия во времени и пространстве не вызывают удивления героев, что также соответствует основным чертам магического реализма и отличает эту тенденцию от фантастики, в которой появление сверхъестественного элемента всегда ощущается как вторжение в натуральный порядок мира, скандал, трещина⁴⁸. Вера (*Квартира*), правда, немного удивляется своему переходу в семидесятые годы, но ее удивление касается не самого факта путешествия во времени, а лишь того, почему это происходит именно с ней. Леша тоже «не особенно удивился» остановке времени. «Он воспринял случившееся спокойно»⁴⁹. В произведениях Долгопят сверхъестественное является просто частью действительности. Зато присутствие героини в прошлом позволяет показать современную нам реальность как нечто удивительное и чудесное. Практика изображения самых обыкновенных явлений и предметов как магических или волшебных является одной из фундаментальных черт магического реализма⁵⁰. Так Гарик воспринимает смартфон Веры:

На кухонном столе он увидел тонкий прямоугольник. Точнее, что-то вроде пластины прямоугольной формы толщиной, может быть, в пять миллиметров. Она была металлическая, гладкая, с одной стеклянной стороной. Стекло черное, непрозрачное, холодное. У металлического края в стекле было небольшое круглое углубление, вмятина, как раз под палец. Гарик погладил углубление, чуть надавил, и стекло осветилось. Появились небольшие цветные картинки⁵¹.

Также прибытие в XXI век Ленина подчеркивает необычность обыкновенного: «Люди спускались под землю и выходили из-под земли»⁵². «Люди разговаривали на ходу сами с собой, в полный голос, никто на них не обращал

⁴⁸ A. Elbanowski, *Marquez: od realizmu magicznego do ironii magicznej*, „Literatura na Świecie” 1983, nr 9, s. 14.

⁴⁹ Е. Долгопят, *Леша*, [в:] Её же, *Чужая жизнь...*, с. 8.

⁵⁰ См., например: Т. Pindel, *Zjawy, szaleństwo i śmierć. Fantastyka i realizm magiczny w literaturze hispanoamerykańskiej*, Kraków 2014, s. 243.

⁵¹ Е. Долгопят, *Квартира...*, с. 187.

⁵² Е. Долгопят, *Кровь...*, с. 77.

внимания»⁵³. «Мальчишка зачарованно наблюдал, как она тыкает в стекло пальцем, поглаживает, и стекло отзывается на ласку, освещается, проявляется за стеклом картинка»⁵⁴.

Подытоживая, образ времени в анализированных произведениях Долгопят полностью совпадает с характеристикой данной категории в магическом реализме, которую дают в своих научных трудах польские и русские исследователи.

От «твердого ядра» магического реализма творчество Долгопят отодвигает отсутствие мотивов фольклорной культуры и религиозного синкретизма. Их заменяют сверхъестественные элементы, почерпнутые из мифов, переработанных в процессе литературной традиции, что, по Мрочковской-Бранд, является характерной чертой европейского варианта тенденции⁵⁵.

Данная статья представляет собой, конечно, только маленький отрывок исследований над творчеством Елены Долгопят, а также русским современным магическим реализмом. Кроме дальнейшего исследования прозы этой писательницы, интересным и перспективным представляется также анализ хронотопа в произведениях других авторов, причисляемых к данному течению, как, например, Анатолий Курчаткин или Мариам Петросян, роману которой я уже посвятила две статьи⁵⁶. Несомненно, магический реализм, хотя, по словам Гугнина, «больше всего напоминает уравнение со многими неизвестными»⁵⁷, возрождаясь с удивительным постоянством в литературе всего мира (и соответственно, тоже в литературоведении)⁵⁸, является тенденцией, заслуживающей научного интереса филологов.

References

- A byl li mal'chik? Diskussiya o rasskaze Eleny Dolgopyat «Lësha»*, Laboratoriya KS, redaktor: Ol'ga Devsh, [v:] <http://litteratura.org/criticism/3886-laboratoriya-ks-a-by-l-li-malchik.html>.
 Dolgopyat E., *Krov'*, [v:] Eë zhe, *Rodina*, Moskva 2016, s. 40-114.
 Dolgopyat E., *Svoystvo vremeni*, [v:] Eë zhe, *Russkoye*, Moskva 2018, s. 131-156.
 Dolgopyat E., *Melankholiya*, [v:] Eë zhe, *Russkoye*, Moskva 2018, s. 309-310.
 Dolgopyat E., *Kvartira*, [v:] Eë zhe, *Chuzhaya zhizn'*, Moskva 2019, s. 176-215.
 Dolgopyat E., *Den' rozhdeniya*, [v:] Eë zhe, *Chuzhaya zhizn'*, Moskva 2019, s. 360-375.

⁵³ Там же, с. 78.

⁵⁴ Там же, с. 82.

⁵⁵ K. Mroczkowska-Brand, *Przecucia...*, s. 264.

⁵⁶ U. Trojanowska, *Miłość poza czasem i przestrzenią. „Dom, w którym...” Mariam Petrosjan*, [w:] *Filozoficzne rozważania na temat miłości*, pod. red. S. Czarnieckiej, K. Maciąga, Lublin 2017, s. 141-152; U. Trojanowska, *«Действительность расширенных значений». Роман Мариам Петросян «Дом в котором...» как пример магического реализма*, [в:] *Русистика и современность. Старые вопросы, новые ответы*, под. ред. И. Любохи-Круглик, О. Малысы, Г. Вильк, А. Зых, Katowice 2017, с. 87-99.

⁵⁷ А. Гугнин, *Магический реализм...*, с. 14.

⁵⁸ Там же, с. 3.

- Dolgopyat E., *Lesha*, [v:] Eë zhe, *Chuzhaya zhizn'*, Moskva 2019, s. 7-16.
- Dolgopyat E., *Golosa*, «Znamya» 2017, № 12, [v:] <http://magazines.russ.ru/authors/d/dolgopyat/>.
- Dolgopyat E., *Vse zhizni*, [v:] <http://babel-premia-odess.org.ua> (20.09.2019).
- Elbanowski A., *Marquez: od realizmu magicznego do ironii magicznej*, „Literatura na Świecie” 1983, nr 9, s. 10-22.
- Gugin A., *Magicheskiy realizm v kontekste literatury i iskusstva XX veka: fenomen i nekotoryye puti ego osmysleniya*, Moskva 1998.
- Jank A., *Wieczny powrót: Friedrich Nietzsche, filozof woli mocy*, [v:] <http://radikalnyslony.org/2018/09/14/wieczny-powrot-friedrich-nietzsche-filozof-woli-mocy/>.
- Kislitsyn K., *Magicheskiy realizm*, «Znaniye. Ponimaniye. Umeniyе» 2011, № 1, s. 274-277.
- Mroczkowska-Brand K., *Przecucia innego porzadku. Mapa realizmu magicznego w literaturze światowej XX i XXI wieku*, Kraków 2009.
- Nietzsche Fr., *Tako rzecze Zaratustra. Książka dla wszystkich i dla nikogo*, przeł. W. Berent, Gdynia, brak roku wydania.
- Nietzsche Fr., *Wiedza radosna*, przeł. L. Staff, Warszawa 1910-1911.
- Ovcharenko O., *Magicheskiy realizm (prodolzheniye)*, [v:] *Teoriya literatury. Literaturnyy protsess*, red. Yu. Borev, N. Gey, A. Mikhaylov, S. Nebol'sin, I. Podgayetskaya, L. Sazonova, Moskva 2001, s. 425-442.
- Pindel T., *Zjawy, szaleństwo i śmierć. Fantastyka i realizm magiczny w literaturze hispanoamerykańskiej*, Kraków 2014.
- Sobieska A., *Realizm magiczny rosyjskich symbolistów (na materiale „Srebrnego gołębia” Andrieja Bielego)*, [w:] *Realizm magiczny. Teoria i realizacje artystyczne*, pod red. J. Biedermann, G. Gazdy, I. Hübner, Łódź 2007, s. 263-271.
- Stepnowska T., *Rosyjski realizm magiczny (na przykładzie powieści Mistrz i Małgorzata Michaila Bulhakowa)*, [v:] *Realizm magiczny. Teoria i realizacje artystyczne*, pod red. J. Biedermann, G. Gazdy, I. Hübner, Łódź 2007, s. 273-287.
- Toporov V., *Lyubov' vo vremena kholery*, [v:] http://www.chaskor.ru/article/lyubov_vo_vremya_holery_16479.
- Yuzefovich L., *Tsvetnaya iznanka zhizni*, [v:] E. Dolgopyat, *Chuzhaya zhizn'*, Moskva 2019, s. 5.

NOTA O AUTORCE

Urszula Trojanowska – dr, adiunkt w Instytucie Filologii Wschodniosłowiańskiej Uniwersytetu Jagiellońskiego w Krakowie.

Publikacje: monografia: *Archetyp DOMU w dwudziestowiecznej literaturze rosyjskiej*. Lidia Czukowska, Jurij Trifonow, Anatolij Pristawkin, Kraków 2008. **Wybrane artykuły:** „Живое” и „мертвое” в небинарной модели мира: избранные рассказы Елены Долгопят, [w:] *Мортальность в литературе и культуре: сб. науч. тр.*, „Новое лит. Обозрение”, Москва 2015, s. 191-200; *Тумчасowy grób – pociąg. Podróż do i z Kolonii w twórczości Władimira Kantora*, „Przegląd Wschodnioeuropejski” 2016, nr VII/1, s. 247-259; «Действительность расширенных значений». Роман Мариам Петросян „Дом в котором...” как пример магического реализма, [w:] *Русистика и современность. Старые вопросы, новые ответы*, под ред. И. Любохи-Круглик, О. Малысы, Г. Вильк, А. Зых, Библиотека Преглądu Русысцызycznego, nr 23, Katowice 2017, s. 87-99; „Sytuacja pociągu” jako metafora twórczości Jeleny Dolgopiat. *Rosyjski wariant realizmu magicznego*, „Slavia Orientalis” 2019 nr 1, s. 73-88.

ORCID: 0000-0002-2351-822X

E-mail: urszula.trojanowska@uj.edu.pl